

Т.В. Смирнова

ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАНЯТОСТИ ПОЖИЛЫХ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОСТАРЕНИЯ

Актуальность проблемы занятости представителей третьего возраста обусловлена постарением населения страны и увеличением среди пожилых числа специалистов с высшим образованием и квалификацией. В статье рассматривается зарубежный опыт по решению этого вопроса: введение практик плавного выхода на пенсию через постепенное сокращение рабочего времени, приобщение пожилых работников к консультационной деятельности; анализируются мотивы продолжения трудовой деятельности пожилых людей, показано ее позитивное влияние на различные сферы жизни представителей позднего возраста.

Изменение возрастной структуры современного общества обуславливает актуальность проблем, связанных с положением пожилых людей в социуме. В условиях постарения населения страны обостряется и проблема занятости представителей третьего возраста. Значение трудовой деятельности в жизни каждого человека невозможно переоценить, именно она позволяет индивиду идентифицировать себя с той или иной социальной группой, определяет его социальный статус, не говоря уже о материальной стороне вопроса. Связь между активной жизненной позицией, сохраненным здоровьем и полноценностью наполнения позднего периода жизни представляется очевидной. Благополучие в позднем возрасте часто обеспечивается активностью человека. В.В. Фролькис, подчеркивая особое значение активности для достижения высокого качества жизни в старости, указывал, что «никакие таблетки ... не заменят активного рационального образа жизни» (Фролькис 1989: 48). Рекомендуя пожилым людям активный двигательный режим, автор говорит и о пользе активного интеллектуального режима: «ленивый ум разрушается быстрее» (Там же: 49).

Исследования З.М. Саралиевой свидетельствуют о том, что большинство (92%) благополучных пожилых людей, то есть имеющих семью, наилучшее среди ровесников материальное положение и хорошее социальное самочувствие, проявляет «активный интерес к жизни за порогом дома» (Саралиева, Балабанов 1999: 62). Другие ученые на основании обобщений результатов ряда

медико-социальных исследований, проведенных Институтом геронтологии АМН СССР, утверждают: «Трудовая деятельность лиц пожилого возраста, сохранивших достаточную работоспособность, является целесообразной с биологической, социальной и экономической точек зрения» (Сачук, Вержиковская, Стеженская 1983: 10). Они дают рекомендации по формированию убежденности пожилых людей в «необходимости продолжения трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста, а у работающих пенсионеров — удлинения ее сроков» (Там же: 15). Как отмечает Э.В. Карюхин, так называемое пассивное пенсионерство приводит к ранним появлениям и быстрому развитию старческих деструктивно-дистрофических изменений органов и тканей организма. В качестве доказательства автор приводит данные о том, что обращаемость за медицинской помощью у продолжающих трудовую деятельность пенсионеров составила 6,1 % против 69, 2 % среди прекративших работать в связи с достижением пенсионного возраста (Карюхин: www.dobroedelo.ru).

Социальная активность и возможность ее реализации тесно связаны со статусом и социальными ролями. С уходом на пенсию положение человека как «общественного функционера» претерпевает существенные изменения, что противоречит основным установкам пожилых людей, направленным на поддержание своего статуса в обществе, ощущения своей значимости как источников опыта, знаний, социальной полезности (Основы геронтологии 1969: 58). Важно отметить, что в России возраст выхода на пенсию остается неизменным с 1932 г., когда было установлено, что к 55 годам большая часть женщин и к 60 годам большая часть мужчин теряют возможность продолжать работать. Однако уже в советское время вопрос продолжения трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста был достаточно актуальным. Занятость пенсионеров приветствовалась. В Советском Союзе уровень материального обеспечения пожилых людей был крайне низким, часто выступая в качестве основной составляющей бедности советских семей. Продолжая трудовую деятельность, пенсионер мог существенно улучшить собственное материальное положение, так как получал пенсию в полном объеме. В результате за 1965–1980 гг. число работающих пенсионеров выросло в 5 раз. Более 30 % всех пенсионеров продолжали работать (Пенсионная реформа в России 1998: 45). В конце 1970-х — начале 1980-х гг. по результатам медицинских обследований был сделан вывод о том, что примерно 80 % пенсионеров первого пенсионного пятилетия и значительная часть пенсионного второго пятилетия являются полностью или частично трудоспособными людьми (Микульский, Роговин, Шаталин 1987: 218).

Новые социально-экономические реалии оказали влияние на все институты и социальные процессы, происходящие в обществе. Не осталась без изменений и занятость пенсионеров — доля работающих людей, перешагнувших пенсионный рубеж, значительно сократилась. Так, только за два года, с 1993 по 1995 гг. количество работающих пенсионеров снизилось на 24,4% (Бреев 1998: 63). На наш взгляд, есть несколько причин спада трудовой активности пенсионеров, начавшегося одновременно с перестройкой. С одной стороны, это новая кадровая политика, принесшая с собой новые правила и ценности, среди которых не было места прошлому опыту. Опыт и знания, полученные при социализме, признавались не только бесполезными, ненужными, но и вредными для производства. Вместе с «устаревшими» в одноча-

сье знаниями и производственным опытом произошло «обесценивание» их носителей — опытных сотрудников, обладающих большим стажем работы. С другой стороны, либерализация цен 1992 г., экономические реформы привели к резкому снижению уровня доходов населения. При этом, стремясь предотвратить обнищание столь крупного пласта населения, как пенсионеры, правительство делало все возможное для соблюдения своевременности и регулярности выплаты пенсий. В результате с 1993 г. по уровню доходов пенсионеры стали занимать третье место после неполных семей и полных многодетных семей (Можина 1995: 153). Крайне низкие зарплаты 1990-х гг. выдавались с существенными задержками, тогда как с пенсиями ситуация была хотя и сложная, но в этом отношении более благоприятная. Иными словами, получатели пенсий перестали быть наиболее материально уязвимой частью населения, хотя фактически их реальный доход не увеличился.

Анализируя причины снижения доли работающих пенсионеров, нельзя не отметить введение в 1997 г. закона, ограничивающего получение пенсий при сохранении занятости. В результате, согласно данным ВЦИОМ, в 1997 г. доля людей, продолжающих трудовую деятельность среди пенсионеров по старости, составила 12% (Здравомыслова и др. 1999: 45). Стабилизация экономики и другие факторы способствовали некоторому изменению ситуации. Так, в 1999 г. средний уровень занятости пенсионеров варьировал в пределах 15–18 % (Социальное положение... 1999: 204). В 2003 г., по данным официальной статистики, было занято 18,5%, а в 2004 г. — 20,5% всех пенсионеров, в том числе 20,9% и 23,4% пенсионеров по старости, соответственно (Синявская 2006: 68). В современных условиях трудовой деятельности пожилых людей после преодоления пенсионного рубежа имеет большое значение. Как отмечает О.В. Синявская, введение ограничений на занятость пенсионеров окажет больше влияния на уровень бедности пенсионеров, чем сокращение реального размера пенсии на 10% (Там же: 77).

Однако если в советское время большая часть людей, достигших пенсионного возраста, продолжала трудовую деятельность, то сегодня для многих российских пенсионеров это становится проблематичным. По мнению Н.П. Щукиной, большинство российских пожилых людей сегодня экономически не активны, хотя 60 % из них хотели бы работать (Щукина 2000: 45). Одна из причин этого — господствующее в кадровой политике большинства предприятий и организаций правило: пожилые сотрудники должны оставить работу, освободив место молодым. Сами же пожилые люди, как показывают результаты многочисленных исследований, в основном не разделяют этого мнения. Согласно исследованию Н.Г. Ковалевой, одним из самых распространенных стереотипов о старости является представление о том, что пожилой человек должен непременно уйти на пенсию. При этом подчеркивается, что именно данный стереотип вызывает наибольшее несогласие среди представителей старшего поколения. Автор делает важный вывод: «...пожилые, занятые в какой-либо сфере деятельности ... протестуют против исключения их из равноправной трудовозрастной группы и против обыденного представления об обязательности оставления работы с достижением пенсионного возраста» (Ковалева 2001: 75). Так, в Нижнем Новгороде лишь 9% опрошенных пенсионеров с радостью восприняли прекращение работы как избавление от надоевшей, неприятной обязанности, тогда как 70% респондентов заявили, что прекращение профессиональной деятель-

ности — вынужденный поступок, так как они получали удовольствие от работы. В рамках этого же исследования, в группе респондентов 60–69 лет 40% мужчин и 25% женщин сообщили о своем желании продолжать работать (Саралиева, Балабанов 1999: 55).

Здесь надо отметить тесную связь уровня образования пожилого человека и его стремления к занятости. Образованные представители позднего возраста гораздо чаще своих менее образованных ровесников демонстрируют стремление продолжать профессиональную деятельность после наступления пенсионного возраста. Так, среди пенсионеров, имеющих высшее образование, продолжают профессиональную деятельность 35%, среднее специальное образование — 24%, среди имеющих среднее общее и незаконченное среднее образование — 15% и 11% соответственно (Социологическая информация: <http://cspi.org.ru/rus/old1/htm>). Такое неодинаковое отношение к продолжению профессиональной деятельности в подгруппах с различным уровнем образования не случайно. Как правило, человек, всю жизнь проработавший на производстве с тяжелыми, а часто и вредными условиями труда, перспективу ухода на пенсию считает для себя благом. К примеру, пожилые женщины, как отмечает Т.М. Герасимова, покидая производство, практически не испытывают негативных эмоций. Они «просто меняют один не слишком профессиональный труд на другой, в чем-то даже более для них значимый, домашний» (Герасимова 1996: 175).

Совершенно иная ситуация складывается при приближении пенсионного возраста у образованных людей, привыкших к умственному труду. Такие люди гораздо тяжелее переносят потерю прежнего статуса — образование дает возможность человеку занимать более ответственные, но в то же время престижные должности. Сегодня наблюдается устойчивая тенденция к увеличению относительной доли и абсолютного числа лиц с высшим образованием среди людей пожилого возраста. К примеру, высшее образование среди женщин 1925–1930 гг. рождения имеют лишь 6 %, а среди родившихся в 1950–1954 гг. такое образование получили уже 20 % (Альперович 1998: 37). Как кажется, это является еще одной важной причиной для всестороннего обсуждения и решения проблемы занятости в позднем возрасте.

Мнения о степени уязвимости с точки зрения занятости лиц предпенсионного и пенсионного возраста неоднозначны. Согласно Р.И. Капелюшникову и Н.Т. Вишневской, в переходных экономиках, включая российскую, вероятность попадания в состав безработных для данных возрастных групп относительно невелика. Авторы отмечают, что России безработица среди этих возрастных групп была в последние годы на 2–5 процентных пунктов ниже среднероссийских показателей. Следовательно, широко распространенное представление, что риск попадания в ряды «лишних людей» особенно велик для лиц предпенсионного возраста, не находит подтверждения. Если они и подвергаются дискриминации на рынке труда, то, скорее всего, в иных формах — в виде меньшей оплаты или худших условий занятости (Феномен российской безработицы ... 2003: 74–81). Действительно, уровень безработицы в группах предпенсионного и пенсионного возрастов несколько ниже, чем среди лиц среднего возраста и среди молодежи. А вот доля в общей численности безработных представителей старшего поколения значительно меньше по сравнению с вкладом в этот показатель лиц среднего и молодого возраста.

С другой стороны, по данным Госкомстата, средняя продолжительность безработицы в группах старше 50 лет превышает 10 месяцев, что выше, чем для населения в целом (Труд и занятость в России 1999). При этом следует особенно подчеркнуть тот факт, что попытки представителей позднего возраста изменить ситуацию, как правило, не приводят к позитивным результатам. Об этом красноречиво свидетельствуют данные Госкомстата РФ — в 1995 г. из 166 тыс. пенсионеров, обратившихся в службу занятости по вопросу трудоустройства, получили работу только 31 тыс. человек, то есть менее 20% (Бюллетень Минтруда и социального развития 1997: 6). Около 13% неработающих пенсионеров в возрастной группе от 61 до 66 лет заявили, что ищут работу, среди пенсионеров старше 66 лет этот показатель составляет 3%. Эти цифры были приведены в Специальном докладе «Социальная политика в России: Пенсионный фонд и система социального обеспечения», в котором далее был озвучен вполне логичный вывод о том, что в этих цифрах содержится значительная недооценка численности пенсионеров, которые хотели бы получить работу, так как доля отчаявшихся ее найти среди них выше, чем в других возрастных группах (Социальная политика 1999).

Об иллюзорности благополучия групп предпенсионного и пенсионного возраста на рынке труда наглядно свидетельствует и то, что в подавляющем большинстве объявлений о вакансиях содержатся ограничения по возрасту. Следовательно, относительно низкий уровень официальной безработицы среди старшего поколения объясняется социальными причинами: 1. Социальное давление вынуждает пенсионеров смириться с потерей работы; 2. Представители предпенсионного и пенсионного возраста менее профессионально мобильны, так как более других привязаны к своему рабочему месту, зная о трудностях, ожидающих их в случае его потери. Результатом является готовность работать в заведомо худших условиях. Итак, следует признать, что в современной России пожилые люди, сохранившие здоровье и социальную активность, прекращают свою профессиональную деятельность не столько по своему желанию, сколько под давлением работодателей, трудового коллектива, а также сложившихся общественных норм.

Представляет интерес сравнение проблемы занятости пожилых людей и вариантов ее решения в нашей стране и за рубежом. Начнем с того, что при исследовании данной ситуации в развитых и развивающихся странах выявлены значительные различия. Так, уровень экономической занятости мужчин старше 65 лет в некоторых развитых странах достигал 2%, тогда как в развивающихся странах до половины мужчин этой возрастной группы продолжали трудовую деятельность (Карюхин: www.dobroedelo.ru). К примеру, для таких стран, как Бангладеш, Индонезия, Ямайка, Пакистан, типично участие более 50% всех пожилых мужчин в трудовой деятельности. В Руанде в 1996 г. процент трудовой активности у мужчин этой возрастной группы составил 81,5%, у женщин — 73,4%.

В развитых странах ситуация с занятостью пожилых людей иная — лишь небольшая часть представителей третьего возраста продолжают трудовую деятельность. Более того, существует тенденция к дальнейшему снижению этого показателя. Так, в США доля работающих старше 65 лет составляет 16,9%, в Европе — 5,3% (Парягина: www.izpi.ru). Наибольшая доля участия пожилых людей на рынках труда отмечается в Японии (до 94,7% у мужчин 55–59 лет и 35,5% у мужчин старше 65 лет в 1990-х гг.) (An Aging World

2001: 19). Для сравнения, во Франции среди 55–59-летних работников отмечается один из самых низких уровней занятости в группе европейских стран: он составляет 54%, в Великобритании — 71% — и в Швеции — 80% (Занятость пожилых работников во Франции 2003: 80). В качестве причин меньшего участия пожилых рабочих в трудовой активности в 1990-е гг., как правило, называют появление новых технологий, требующих новых навыков и умений; в странах с традиционно высоким уровнем безработицы пожилые рабочие могут испытывать формальное или неформальное давление в пользу молодых трудящихся.

Анализ источников позволяет сделать неутешительный вывод — нигде в мире пожилых работников не рассматривают как привлекательную рабочую силу. Принципиальное же отличие России от европейских стран и США по вопросу занятости пожилых состоит в полном игнорировании данной проблемы на всех уровнях. Об этом свидетельствует абсолютная непроработанность таких практик, как постепенный выход на пенсию и др. В России, к примеру, в среднем работающий пенсионер занят даже больше полного рабочего дня: медиана продолжительности работы пенсионера составляет 178 часов в месяц (Социальная политика 1999). В результате пожилые работники на рынке труда фактически предоставлены сами себе, обходясь без каких-либо форм поддержки. С другой стороны, российские работодатели вынуждены сами регулировать ситуацию с пожилыми сотрудниками, прибегая к дискриминационным практикам.

Однако и в развитых странах, где занятость пожилых регулируется с помощью целого ряда мероприятий, до конца решить проблему не удается. Рассмотрим некоторые практики, применяемые в разных странах для решения проблемы экономической активности старшего поколения. Так, в Дании, Швеции, Италии и некоторых других странах задействованы специальные схемы постепенного ухода с рынка труда работников старших возрастных групп. При этом им, помимо зарплаты, выплачивается пособие за часы сокращенного рабочего времени. Длительность рабочего дня на неполную ставку в развитых странах в настоящее время колеблется от 8% в Италии до 35% в Швеции и Голландии. В 2001 г. в 15 странах Европейского Союза 41% работающих женщин 55–64 лет работали на неполную ставку (An Aging World 2001: 35).

В развитых странах, в особенности в Японии, Швеции и США, наблюдается тенденция увеличения числа пожилых людей, работающих неполный день. В Германии государство также стимулирует неполную занятость пожилых людей — согласно Закону о неполной трудовой занятости пожилых лиц, наемные работники 55-летнего возраста, работавшие в течение предшествующих 5 лет, имеют право на сокращение полного рабочего времени вдвое при сохранении 70% прежнего заработка (83% для государственных служащих) (В Германии...: www.jobsme.ru). Кроме того, в Германии предусмотрено регулирование трудоустройства длительно безработных (не менее года в течение последних полутора лет) граждан старше 50 лет. Работодатель, принявший в свою организацию таких работников, получает для оплаты их труда дотацию в размере 50–70% заработка, а в некоторых случаях дотации осуществляются в полном объеме (Парягина: www.izpi.ru).

Еще одной схемой вывода пожилых работников с рынка труда, довольно распространенной сегодня в развитых странах, является досрочный выход

на пенсию. При этом расхождения между законодательно установленным и реальным возрастом выхода на пенсию выглядят весьма значительными. Так, в Голландии стандартный возраст выхода на пенсию — 65 лет, фактический же — 58,8, в Норвегии — 67 лет, фактический — 63,8 и т.д. В Австрии, Бельгии и Финляндии мужчины уходят на пенсию в среднем на 6 лет раньше установленного срока. Еще большие различия характерны для женщин, составляя, например, в Голландии разницу в 10 лет (Карюхин: www.dobroedelo.ru). На первый взгляд широкое распространение практик досрочного ухода с рынка труда и частичной занятости свидетельствует о желании представителей третьего возраста как можно скорее «отойти от дел». Но есть и другая точка зрения. П. Друкер отмечает, что все чаще в Америке можно услышать выражение «вторая карьера». Действительно, все больше служащих рано выходят на пенсию, между тем работу не оставляют. Автор подчеркивает, что такой «ранний выход на пенсию, для того чтобы продолжать работать» особенно распространен среди «работников знания» (Друкер: <http://antropotok.archipelag.ru>).

Итак, проблема занятости пожилых в России, несмотря на свой латентный характер, требует решения. Для этого изначально необходимо иметь ответы на вопросы: что дает современному российскому пенсионеру экономическая активность, как влияет включенность пенсионера в профессионально-деловую среду на различные сферы его жизнедеятельности. Однако какой бы аспект проблемы занятости пожилых мы ни рассматривали, ведущим мотивом является продолжение трудовой деятельности. Поиск ответов на поставленные вопросы мы осуществили в рамках социологического исследования, проведенного методом анкетного опроса. Опрошено 415 респондентов старше пенсионного возраста. Исследование проводилось автором в г. Саратове совместно с Центром социальных исследований «РОСС-XXI век».

В качестве мотива продолжения трудовой деятельности работающие пенсионеры, принявшие участие в исследовании, указали на: материальную заинтересованность — 59%; желание быть в коллективе — 25%; получение морального удовлетворения от труда — 19%; желание быть нужным, востребованным — 41%; сохранение положения обществе — 6%. Задавая прямой вопрос о мотивах трудовой деятельности, мы получили такую картину: пенсионеры посредством продолжения трудовой деятельности стремятся оставаться включенными в социум, хотя ведущей причиной считают материальную сторону. Действительно, работающие пенсионеры в значительно большей степени (41%), чем их неработающие ровесники (25%), фиксируют внимание на материальном благополучии как на условии, необходимом для счастливой старости, что в целом подтверждает приоритет материальной заинтересованности среди мотивов продолжения трудовой деятельности в пожилом возрасте.

Для создания более точной картины мотивов целесообразно рассмотреть ответы респондентов на вопросы, напрямую не связанные с мотивацией трудовой деятельности, но способные прояснить ситуацию. Так, ответы респондентов на вопрос: «Какие аспекты старости Вас в наибольшей степени беспокоят?» вносят существенные изменения в сделанные выводы. Главная тенденция состоит в следующем — неработающих пенсионеров тревожат в основном низкий уровень жизни (58%) и состояние здоровья (85%), беспокойство по другим позициям выражено незначительно и варьирует в преде-

лах 2%–7%. При этом работающих пенсионеров волнуют помимо состояния здоровья (69%) и бедности (53%) многие другие проявления старости. Так, ненужность и отверженность вызывает беспокойство у 34% работающих пенсионеров против 7% среди тех, кто ушел с рынка труда. Кроме того, страх одиночества, немощи, безысходности как атрибутов старости значительно выше у работающих пенсионеров (соответственно: 21%; 15% и 19%). Следовательно, представители этой исследуемой группы ведут экономически активную жизнь, в том числе для того, чтобы противостоять перечисленным проблемам. Эту мысль подтверждает и тот факт, что на общественную деятельность в качестве средства борьбы с одиночеством указали 16% работающих и лишь 5% неработающих пенсионеров. В то же время, по мнению 69% занятых пенсионеров, именно продолжение трудовой деятельности помогает справиться с одиночеством. Среди оставивших работу такого мнения придерживаются только 15% респондентов.

Таким образом, мотивация трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста настолько многоаспектна, что сложно выделить в качестве основного какой-либо один пункт. Одно можно сказать точно — это далеко не один материальный интерес, эмоциональная компонента среди причин занятости в пожилом возрасте становится чрезвычайно значимой. Проведенный анализ мотивации трудовой деятельности показал различия по многим аспектам жизнедеятельности среди работающих и неработающих пенсионеров, что позволяет нам продолжить анализ влияния трудовой деятельности на жизнь в третьем возрасте. Как показало наше исследование, работающие пенсионеры менее пессимистично смотрят на поздний период жизни. Так, пенсионный возраст временем «доживания» назвали 25% занятых респондентов, при том что среди пожилых людей, оставивших трудовую деятельность, такого мнения придерживаются 50%. Неработающие пенсионеры в два раза чаще, чем их работающие ровесники, считают жизнь на пенсии «доживанием».

В ходе исследования выявлен еще один интересный факт — занятость оказывает влияние на мнение пожилых людей о старшем поколении и его месте в социуме. Представители третьего возраста, продолжающие трудиться, более благожелательно настроены и гораздо лучшего мнения о своих ровесниках, чем пенсионеры, прекратившие работать. Так, среди последних более чем в четыре раза чаще (42%) встречается мнение о том, что пожилые люди обычно озлоблены, в два раза больше (67%) среди неработающих респондентов тех, кто полагает, что с возрастом память и умственные способности человека ухудшаются.

О влиянии прекращения трудовой деятельности на усиление чувства отчуждения пожилых людей свидетельствует тот факт, что 58% неработающих пенсионеров согласились с довольно жестким, на наш взгляд, утверждением о том, что отдых пожилых людей на курортах следует организовывать отдельно от других возрастных групп. Среди респондентов, продолжающих трудовую деятельность, таких ответов — 25%. Эту тенденцию подтверждает выявленное мнение большинства (75%) неработающих пенсионеров о том, что «лучше, чтобы пожилые родственники проживали отдельно, подальше от молодых» (аналогичным образом рассуждают только 33% пожилых, продолжающих работать).

Следовательно, выход пожилого человека с рынка труда способствует

развитию отношения к собственной жизни как к «доживанию», усиливает тенденции отчуждения и дезинтеграции. Ситуацию усугубляет тот факт, что для большинства прекращение трудовой деятельности означает «пассивное пенсионерство». Так, среди ответов на вопрос: «В каких формах Вы хотели бы принимать участие в общественной жизни?» 92% неработающих пенсионеров выбрали вариант «Не хочу участвовать» — среди работающих этот вариант выбрали 53%. Отметим, что среди занятых пенсионеров 19% хотели бы участвовать в работе общественных организаций, 16% — в ветеранских организациях, 6% — в политических партиях. При этом к созданию клубов для людей пожилого возраста только 17% незанятых респондентов отнеслись положительно, тогда как среди занятых этот показатель составляет 44%. А вот безразличие — наиболее часто встречающееся отношение у неработающих пенсионеров — 52%, против 22% среди работающих.

Согласно результатам нашего исследования, 96% пожилых людей, оставивших трудовую деятельность, признались, что испытывают чувство одиночества, невостребованности. При этом степень удовлетворения жизненных потребностей в целом у неработающих пенсионеров оказалась несколько выше. Так, среди незанятых пожилых людей отмечается более высокая удовлетворенность потребностей в общении, любви, жилище, отдыхе, информации, одежде, питании, медицинских услугах, а также культурных, материальных нужд. По всем перечисленным потребностям неработающие пенсионеры «лидируют» на 8–16 процентных пунктов, а в отдыхе и покое — на 33% (у работающих пенсионеров удовлетворенность потребностями в отдыхе и покое — 34%, у неработающих — 67%). Единственная потребность, удовлетворенность которой оказалась выше у работающих пенсионеров — самореализация, творчество (соответственно 15% и 2%).

83% неработающих пожилых людей отметили, что «больше удовлетворены своей жизнью, чем нет», 6% считают себя счастливыми, не удовлетворены своей жизнью в целом 8%. У пенсионеров, продолжающих трудовую деятельность, наблюдается несколько иная картина. «Больше удовлетворены своей жизнью, чем нет» — 53%; считают себя счастливыми 24%; скорее неудовлетворены 16%. Итак, можно сказать, что при подведении жизненных итогов неработающие пенсионеры гораздо больше похожи друг на друга, чем на тех, кто продолжает трудиться. Указанную схожесть можно обозначить как стабилизацию и признание своего положения удовлетворительным. Отметим, что вопросы об удовлетворенности своей жизнью в целом принципиально отличны от выяснения потребностей в питании и одежде. Признание в том, что не удалось найти достойного места в жизни, катастрофично для пожилого человека. И если с нехваткой каких-то ресурсов можно смириться, отвечая — «все хорошо, всего хватает», то недостаток уважения и самореализации нельзя восполнить простым внушением.

Цицерон справедливо заметил: «Ничего так не следует остерегаться в старости, как лени и безделья» (Воронцов 1979: 564). Однако в современных условиях воспользоваться его рекомендацией российским пенсионерам бывает не просто. В настоящее время на рынке труда остаются чаще всего представители двух полярных групп: низкоквалифицированные работники, занимающее мало привлекательные для представителей других возрастных групп места, и работники высокой квалификации, в том числе руководители. Современные работающие пенсионеры в качестве основного мотива продол-

жения трудовой деятельности в первую очередь указывают на материальную заинтересованность. Однако, как показывают результаты нашего исследования, их мотивы многоаспектны, причем на первый план выходит эмоциональная компонента. Трудовая деятельность в пожилом возрасте оказывает положительное влияние на отношение человека к позднему периоду жизни, содействует оптимистичному восприятию перспектив. Важным результатом проделанной исследовательской работы стал вывод о том, что реальной альтернативой продолжения трудовой деятельности является лишь пассивное пенсионерство, которое в свою очередь представляет собой прямой путь к дезинтеграции и отчуждению.

По утверждению А. Комфорта, увеличение длительности периода активной рабочей деятельности, сохранение интереса и уважения со стороны своих сограждан и сознание своей роли в общей жизни способствуют долголетию. Так что «по существу любое увеличение продолжительности жизни, создаваемое посредством замедления процесса старения, должно представлять собой увеличение периода трудовой деятельности производительных членов общества, ... это бесплатный дополнительный вклад в производительность человечества» (Комфорт 1967: 36). Невольно вспоминается не теряющий своей актуальности совет А. Швейцера: «Для человека, которому перевалило за 60, у меня есть один рецепт: много работать и — еще больше работать!» (Воронцов 1979: 563).

Интеграция представителей старшего поколения в социум посредством сохранения трудовой и общественной активности имеет ряд оснований и целесообразна как для самих пожилых людей, так и для общества в целом. Занятость представителей третьего возраста становится все более актуальным вопросом из-за постоянного роста численности пожилых людей и увеличения среди них доли лиц, обладающих высокой квалификацией и образованием. Решению проблемы, с учетом особенностей социально-демографической группы пожилых и зарубежного опыта, может способствовать введение практик плавного выхода на пенсию через постепенное сокращение рабочего времени, а также переобучение пожилых работников, приобщение их к консультационной и наставнической деятельности.

Литература

- Альперович В.Д. Геронтология. Старость. Социокультурный портрет. М.: Изд-во «Приор», «Экспертное бюро», 1998.
- Бреев Б.Д. К вопросу о постарении населения и депопуляции // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 61–66.
- Бюллетень Минтруда и социального развития. 1997. № 8.
- В Германии государство стимулирует неполную занятость пожилых людей // www.jobsme.ru/NewsAMShow.asp?ID.
- Воронцов В.В. Симфонии разума. Афоризмы и изречения отеч. и зарубеж. авторов. Изд. 8-е. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1979.
- Герасимова Т.М. Пожилая женщина современной России: методология и результаты гендерного анализа биографий // Феминистская теория и практика: Восток-Запад. Материалы международной научно-практической конференции / ПЦГИ. СПб., 1996. С. 163–178.
- Занятость пожилых работников во Франции / Сводный реферат // Экономика. 2003. № 3. С. 80–85.
- Здравомыслова О. и др. Старшее поколение в современной России. Статистика, исследования, общественные организации / О. Здравомыслова, Ю. Качалова, А. Севортьян, И. Шурьрина. М., 1999.

- Карюхин Э.В. Трудовая активность пожилых людей // www.dobroedelo.ru.
- Ковалева Н.Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 73–79.
- Комфорт А. Биология старения. М.: МИР, 1967.
- Микульский К.И., Роговин В.З., Шаталин С.С. Социальная политика КПСС. М.: Политиздат, 1987.
- Можина А.А. Уровень жизни: дифференциация и бедность // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 153–162.
- Основы геронтологии / Под ред. Д.Ф. Чеботарева, Н.Б. Маньковского, В.В. Фролькиса. М.: Медицина, 1969.
- Парягина О.А. Правовая защита пожилых работников / Академический юридический журнал // <http://www.izpi.ru>.
- Пенсионная реформа в России: причины, содержание, перспективы / Под ред. М.Э. Дмитриева, Д.Я. Травина. СПб.: Норма, 1998.
- Питер Ф. Друкер. Новые демографические показатели // <http://antropotok.archipelag.ru/text/a282.htm>.
- Саралиева З.М., Балабанов С.С. Пожилой человек в Центральной России // Социологические исследования. 1999. № 12. С. 54–64.
- Сачук Н.Н., Вержиковская Н.В., Стеженская Е.И. Методические рекомендации по проведению комплексной подготовки к рациональному образу жизни в пенсионном периоде. Киев: Киев. книжная типография науч. книги, 1983.
- Синявская О.В. Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость? // Журнал СПЭРО. 2006. № 4. С. 66–74.
- Социальная политика в России: Пенсионный фонд и система социального обеспечения. 1999 г.: www.budgetrf.ru.
- Социальное положение и уровень жизни населения России: Статистический сборник / М.: Госкомстат России, 1999.
- Социологическая информация / Пожилые в России: современная ситуация // <http://cspi.org.ru/rus/old1/htm>.
- Труд и занятость в России. М.: Госкомстат России, 1999.
- Феномен российской безработицы: динамика, структура, специфика. Сер. «Независимый экономический анализ». М., 2003.
- Фролькис В.В. Долголетие: действительное и возможное. Киев: Наукова думка, 1989.
- Щукина Н.П. Самопомощь и взаимопомощь в системе социальной поддержки пожилых людей. М.: Социально-технологический институт МГУС, 2000.
- An Aging World: 2001 // K. Kevin and V.A. Velkoff. U.S. Census Bureau, Series P95/01-1, U.S. Government Printing Office, Washington, DC, 2001. P. 15–19.